

Глава 19

Когда Цзи Хуайчжэнь пришёл в себя, первым, что он увидел, был полог кровати над головой. Он не знал, где находится и как долго пробыл в беспамятстве, но Яньчи был рядом — он спал, уронив голову на край постели.

Хуайчжэнь облегчённо вздохнул. Раз юноша здесь, значит, он в безопасности.

Эта мысль внезапно напугала его, показавшись нелепой и дикой. С каких это пор он, Цзи Хуайчжэнь, стал так безоглядно доверять людям? Тем более тому, кто всем сердцем предан Лу Ши.

В воздухе пахло целебными травами. Раны от плеча до самого живота были тщательно обработаны и перевязаны, а в лодыжках чувствовалась знакомая тупая боль — томительное нытьё, которое всегда сопровождает вправленные после перелома кости.

Стоило ему шевельнуться, как Яньчи тут же проснулся.

Великий наставник мгновенно зажмурился. Он почувствовал, как собеседник наклонился над ним и приложил ладонь к его лбу, проверяя, не вернулся ли жар.

Годы интриг и борьбы за власть при дворе научили Хуайчжэня мгновенно оценивать обстановку. Бай Сюэ нет, на поправку уйдёт немало времени. Лу Ши хоть и остался в столице, но в Фэньчжоу наверняка полно его ищеек и тайных агентов. Сейчас единственный человек, на которого он может положиться — это Тоба Яньчи.

Решение созрело в голове Хуайчжэня за долю секунды.

Он слегка нахмурился, изображая бредовое состояние, и, не открывая глаз, едва слышно пробормотал:

— Сяо Янь... Яньчи...

Тот не шелохнулся.

Хуайчжэнь не привык отступать. Он страдальчески исказил лицо и, снова позвав юношу, начал беспорядочно шарить рукой по одеялу.

Его расчёт оказался верным. Помедлив мгновение, Яньчи тяжело вздохнул и, не в силах сопротивляться, осторожно взял больного за руку.

«Сердце у него всё-таки мягкое, — отметил про себя Хуайчжэнь»

Теперь он мог окончательно успокоиться. Пробыв в сознании лишь несколько минут, Цзи снова провалился в глубокий сон.

Он не знал, сколько времени провёл в этом забытьи. В редкие моменты полубодрствования он чувствовал, как Яньчи бережно приподнимает его голову и, набрав в рот рисовой каши, кормит его — губы к губам, порцию за порцией.

Хуайчжэнь пролежал в постели три дня, то приходя в себя, то засыпая вновь. Каждый раз, открывая глаза и видя, что его спаситель всё ещё рядом, он с лёгким сердцем позволял себе провалиться в темноту.

Лишь на четвёртый день силы начали возвращаться к нему. Опираясь на постель, он попытался сесть. Яньчи куда-то отлучился, но стоило Хуайчжэню, дрожа всем телом, попытаться сползти с кровати, как тот вернулся. Руки Цзи ходили ходуном, будто его трясла невидимая лихорадка, словно чьи-то незримые руки пытались свалить его с ног.

Он упрямо боролся с собственной слабостью, стиснув зубы и пытаясь во что бы то ни стало встать на ноги.

Лицо юноши потемнело. Он быстро подошёл и подхватил больного.

— Лежи. Тебе нужен покой.

Хуайчжэнь посмотрел на него со странным выражением:

— ...Невмоготу больше. Нужно отойти по нужде.

Яньчи молча подал ему ночной горшок и отвернулся, давая понять, что тот должен справиться сам.

Сосуд со звоном коснулся пола. Кровать заходила ходуном — Хуайчжэнь, весь в испарине, упорно пытался слезть.

— Ты избит до полусмерти, хватит мучиться! — вспыхнул Яньчи.

— Ты не понимаешь, — отозвался Хуайчжэнь. — Если лодыжки срастутся в покое, заживать будут вечно. Рано или поздно придётся перетерпеть эту боль, зато потом дело пойдёт быстрее. К тому же я пришёл в сознание и не собираюсь мочиться в постель, как младенец. У меня так ничего не выйдет.

Судя по тону, он знал о переломах лодыжек гораздо больше, чем обычный человек.

Видя его упрямство, Яньчи не стал больше спорить. Он просто подхватил мужчину на руки, заставив его обхватить себя за шею, и помог ему твёрдо встать на пол.

Одной рукой Хуайчжэнь держал сосуд, а другой цеплялся за шею помощника. Развязать завязки на штанах в таком положении было невозможно, и он вопросительно посмотрел на юношу. Между ними уже была близость, они заходили гораздо дальше, так что Хуайчжэнь не чувствовал ни капли смущения. Яньчи же, напротив, выглядел крайне недовольным. Он забрал горшок, велел Цзи самому раздеться, а когда дело было сделано, сунул сосуд ему в руки и резко отвернулся.

Пока Хуайчжэнь справлял нужду, он украдкой поглядывал на Яньчи.

Он прекрасно понимал причину такой реакции. Мальчишка всё ещё не мог простить того, что произошло в монастыре Цинъюань.

Будь на его месте кто-то из прежних любовников Хуайчжэня, они бы давно помирились — в таких делах всё решается по взаимному согласию: если один недоволен, другой просто «усмиряет» его в постели. Но Яньчи был иного склада: для него чувства всегда стояли выше плотской страсти. Хуайчжэнь сам вырыл себе яму, вдребезги разбив сердце юноши своей надменностью. Кто бы мог подумать, что наступит день, когда он окажется в положении беглеца и будет вынужден молить этого самого «дурачка» о спасении.

Обида его была глубока.

«Непросто будет его вернуть. Но выход есть всегда»

Когда он закончил, пот лил с него градом. Хуайчжэнь смертельно побледнел, каждое движение давалось ему с трудом, будто он шёл по лезвию ножа. Яньчи нашёл для него какую-то грубую одежду; теперь она насквозь пропиталась потом и липла к спине.

Его перенесли обратно на кровать, после чего Яньчи снова молча вышел, вернувшись через минуту с чашкой каши.

С видом человека, которому задолжали кучу денег, он присел на край постели и сунул чашку больному в руки.

— Ешь.

У Хуайчжэня дрогнул уголок рта. Он невольно вспомнил, как в беспамятстве этот хмурый юноша кормил его из собственных уст, а теперь, когда он очнулся, притворяется, будто ничего не было.

Пока Хуайчжэнь ел, Яньчи принялся менять повязку на его плече. Он действовал нарочито грубо, не скрывая своего раздражения.

За свою жизнь Цзи Хуайчжэнь, дослужившийся до Тайфу, повидал немало бед. Он был упрям и никогда не показывал слабости: даже когда плеть превращала его кожу в кровавое месиво, он лишь смеялся в лицо мучителям. Грубость Яньчи была для него сущим пустяком.

Но сейчас он лишь слегка поморщился и выдавил:

— ...Больно.

Яньчи бросил на него короткий взгляд, ничего не сказал, но его движения мгновенно стали осторожными и нежными.

— Где моя одежда? — спросил Хуайчжэнь. — Кажется, когда мы бежали, её забрал младший брат Шаобин.

Юноша кивнул в сторону невысокой кушетки в ногах кровати.

— Почему ты молчишь? За пару дней язык проглотил? — Не дожидаясь ответа, Хуайчжэнь горько усмехнулся: — Впрочем, я и сам знаю. После того как я грозился вытравить твою киноварь, ты наверняка меня ненавидишь. С чего бы тебе со мной разговаривать...

Он отставил чашку и, изображая крайнюю немощь, пополз к краю кровати. Его вещи были выстираны и аккуратно сложены, в воздухе пахло дешёвым мылом. Хуайчжэнь быстро перебрал одежду и, обнаружив маленькие портреты сестры и племянника, облегчённо выдохнул.

Нефритовая подвеска Лу Ши и императорский указ тоже были на месте. Тот тупица, что притворился Саньси, искал лишь жетон, дающий власть над Сяоцзиньтай и армией Гунчжоу, и совсем забыл про эти вещи.

Кольцо с драконом-куй, подарок для Яньчи, тоже нашлось.

В тот день, в порыве ярости, Хуайчжэнь швырнул его прочь, но позже велел тайной страже найти кольцо и спрятал его в потайном кармане.

Глядя на него, Хуайчжэнь придумал новый ход.

Убедившись, что Яньчи не смотрит, он бесшумно уронил кольцо под кровать. Затем принялся лихорадочно трясти одежду, делая вид, что что-то ищет.

— Пропало! Моя вещь пропала! — вскрикнул он с неподдельной тревогой.

Яньчи тут же обернулся:

— Что пропало?

Хуайчжэнь не отвечал, его лицо выражало такое отчаяние, что не поверить было невозможно. Он выворачивал тонкую ткань наизнанку, будто собирался распороть её по швам.

Яньчи сам стирал эти вещи и знал их содержимое до последней нитки. Видя, что и подвеска, и указ, и портреты на месте, он сразу понял, о чём речь — должно быть, кольцо выпало, когда он переносил одежду.

Яньчи замолчал. На душе у него стало горько. Он опустился на колени и принялся шарить под кроватью, пока его пальцы не коснулись холодного металла.

Он протянул кольцо Хуайчжэню.

Тот схватил подарок, и на его лице отразилось бесконечное облегчение. Подняв глаза, он наткнулся на сложный, тяжёлый взгляд юноши. В глазах Хуайчжэня на миг промелькнуло замешательство, но он тут же взял себя в руки и сухо бросил:

— Времена изменились. Теперь я беглый преступник, и такие ценности мне ещё пригодятся. Если прижмёт, заложу его у ростовщика.

Он говорил это, но сжимал кольцо в ладони так крепко, будто ни за что на свете не согласился бы с ним расстаться.

Яньчи промолчал, задумчиво глядя в пустоту.

Хуайчжэнь украдкой наблюдал за ним. Он знал: нельзя давить слишком сильно. Этот юноша любил зарываться в свои мысли, и действовать нужно было постепенно. Пока в сердце Яньчи оставалась хоть капля чувств к «Лу Шии», Хуайчжэнь был уверен, что сможет уговорить его доставить себя в Вэньян к Бай Сюэ.

На какое-то время в комнате воцарилась тишина.

Яньчи мог молчать часами, но Хуайчжэнь не выдержал первым.

— Что там, снаружи? — спросил он.

— Ты объявлен в розыск, — юноша посмотрел на него. — В городе введено осадное положение. Без подорожной из управы никого не выпускают. Сначала поправься, потом будем думать.

Значит, они всё ещё в Фэньчжоу.

Этого Хуайчжэнь и ожидал. Лу Шии приложил слишком много усилий, чтобы так просто дать ему уйти.

Он с самого начала шёл напрямиком в ловушку.

Должно быть, Лу Шии прознал, что Хуайчжэнь разгадал его связь с ижунцами, и решил нанести упреждающий удар. Все эти переговоры о мире были лишь наживкой — Лу Шии прекрасно знал, что Великий наставник не допустит усиления его влияния в степях и непременно попытается подменить его на переговорах.

Сначала его заманили в Фэньчжоу слухами об А Цюане, затем задержали указом, требующим перевода... Лу Шии даже просчитал, что он решит ударить по монастырю Цинъюань.

Но если ему нужна была лишь смерть Хуайчжэня, то подсланный убийца мог прикончить его на месте. Зачем было допрашивать его о тайных знаках власти?

Оставалось лишь одно объяснение, от которого мороз шёл по коже: Лу Шии затеял всё это, не щадя собственной репутации, не только ради его смерти. Ему нужна была его личность.

«Богомол ловит цикаду, а сзади подкрадывается сорокопут. Лу Шии решил сам сыграть роль подменыша»

Хуайчжэнь чувствовал, что зашёл в тупик. Мысль казалась безумной: в Великой Ци имя Лу Шии значило гораздо больше. Цзи Хуайчжэня боялись, а Лу Шии — обожали. И всё же, много логического объяснения не находилось. Зачем Лу Шии его имя? Неужели он скрывается от кого-то более опасного?

От этих мыслей у Хуайчжэня потемнело в глазах, лицо стало белым как полотно, и он снова зашёлся в тяжёлом кашле.

Яньчи уложил его обратно на подушки и внезапно спросил:

— Тебя подставил твой заклятый враг? Это дело рук Цзи Хуайчжэня?

Хуайчжэнь замер.

— ...Да, — выдавил он, скрепя сердце. Приходилось продолжать игру и притворяться Лу Ши до самого конца.

Собеседник больше не спрашивал.

Раздался стук в дверь. Хуайчжэнь настороженно вскинулся, но Яньчи успокоил его:

— Не бойся, это мой друг. Входи! — крикнул он в сторону двери.

Другом оказался рослый детина, который выглядел гораздо старше самого Хуайчжэня. Массивное телосложение, высокие надбровные дуги и глубоко посаженные глаза выдавали в нём чужака — должно быть, один из степных кочевников, осевших в этих краях. Впрочем, на языке ханьцев он говорил совершенно свободно.

Увидев, что больной пришёл в себя, великан приложил правую ладонь к левому плечу и слегка склонил голову в ижунском приветствии.

— Его зовут Сингэжилэ, — пояснил Яньчи. — Мы познакомились в Вэньяне, на моей родине. Его жена, Дума, эти дни готовила для нас еду.

Хуайчжэнь хоть и сомневался, но понимал, что сейчас не время для лишних расспросов.

Сингэжилэ наклонился к самому уху Яньчи и что-то негромко зашептал. Тот лишь коротко кивнул.

— Понял, — бросил он.

Когда гость ушёл, Хуайчжэнь внезапно осознал важную вещь.

— Теперь, когда меня ищет стража, тебе не стоит называть меня по имени при чужих.

— И как мне тебя звать? — спросил Яньчи.

Хуайчжэнь замаялся. В памяти всплыло имя, которое он не произносил годами. Выхода не было.

— ...А Мяо, — нехотя выговорил он.

Яньчи кивнул, погружённый в свои думы. На миг их взгляды встретились и тут же разошлись. Атмосфера в комнате стала невыносимо натянутой. Не выдержав, юноша резко поднялся и вышел.

Во дворе его ждал Сингэжилэ. Увидев Яньчи, он снова низко склонился, и тон его был исполнен глубокого почтения:

— Ваше Высочество, из Чилэчуань пришла весть.

<http://bllate.org/book/15318/1411484>